

РЕТРОСПЕКТИВА

С чего бы мне хотеть туда?
Там слишком близко поезда
Проходят — и земля трясется,
Там у столба коза пасется
И очень может забода...

Там дворик сорною травой
Зарос, там бабка жучит деда
И, заклана в виду обеда,
Крылами бьет моя Победа
С отрубленную головой...

ДУНАЙСКИЕ ВОЛНЫ

А в саду городском, а в саду городском,
Там дорожки посыпаны белым песком,
Небеса источают полуденный зной
И деревья качает дунайской волной,

Золотые тромбоны на солнце блестят,
И мальчишки вдогонку влюблённым свистят,
А сумевшие скрыться под сень колоннад
Из бумажных стаканчиков пьют лимонад.

И пока там обеты дают на века,
И пока там конфеты жуют из кулька,
Их уносит не видимой ими судьбой
За не виденный ими Дунай голубой,

И пока там сгущаются тени, в саду,
Их заносит забвеньем, как тиной в пруду,
И хоронят, хоронят, хоронят живых
Под далёкое эхо музык полковых...

Римляне-бритты стрижены-бриты,
Персы и русские о бородах:

Пенятся вёсла, мелькают копыта,
Мчатся упряжки в полуночных льдах.

Дерзкие лоцманы цивилизаций,
На многотрудном и долгом пути
В скольких смертях вам пришлось подвизаться,
Чтобы доплыть, дошагать, доползти!

Вот этот град, от забвенья спасённый, —
Тауэр, Форум, Европа в окне,
Вот Победитель, над ним вознесённый, —
Грозная бронза на гордом коне,

Он указывает рукой отведённой:
Почта, Макдональдс, стоянка такси —
То ли Калигула, то ли Будённый,
То ли вся Самодержец Руси...

* * *

Я теперь живу — или что-то вроде
В благодатной Германии — и твержу *телёнок в подклети*:
Странные овощи появились в их огороде —
Видно, сильно заблудшие в прошлом тысячелетье
Окаянные души они спасают.

Я теперь *европейка нежная* — или что-то вроде
(Ничего, перемелется — будем вполне едины):
Тоже, знаете, чуден Рейн при тихой погоде,
И редкая палка долетит до его середины,
Потому что их туда не бросают.

* * *

По пыльной дороге, едва ли прямой,
Плетётся на ослике путник домой,
Пусты его брюхо, сума и мехи,
Но он по пути сочиняет стихи.

У дома он вырастил розовый куст,
Но дом его тоже, как прочее, пуст,
Вернее, и дома-то, в сущности, нет,
Но может быть, есть — или будет — сонет.

Нет, он не Шекспир, не Петрарка, не Дант,
Но важно призвание, а не талант,
И чем его жизнь тяжелей и бедней,
Тем выше и царственней небо над ней.

Любимая лжёт или терпит едва? —
Ну что ж, тем прекраснее будут слова.
Да пусть уж судьба приберёт и осла —
Ведь беды — фундамент его ремесла.

Александрю Мелихову

Потому что позёмка бежит, как песок,
 Человек, оперевшись ладонью в висок,
 Различает средь белого праха,
 Как, пинаема в спину настырной пургой, —
 Или, может, субстанцией близкой другой —
 Напряжённо ползёт черепаха.

Человек, оперевшись глазами в окно,
 Видит — если и в поезде — или темно —
 Или чьё-то дыхание рядом:
 Черепаха ползёт в направлении воды,
 А за нею ползут черепашины следы,
 Различимые внутренним взглядом.

Потому что глаза черепахи узки,
 В них не вдруг обнажается столь же тоски,
 Сколь и мужества — или бесстрашья.
 И крутится песок — или, может, пурга,
 И ложатся барханы — а может, снега,
 Заметая следы черепашины.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

*(Исполняется на мотив
 «Ехал на ярмарку ухарь-купец»)*

Как по ухабистой горной тропе
 Едет проезжий по имени П.,
 Едет проезжий, встречает арбу —
 Г. проезжает в закрытом гробу.

Как от версты к полосатой версте
 Едет проезжий по имени Т.,
 Едет-спешит, довершает судьбу —
 П. уезжает в закрытом гробу.

Спит мелколесье, телега не спит,
 Осью немазаной песню скрипит:
 «Едет проезжий, встречает арбу...».
 Ворон скучает на каждом дубу.

Медленно, медленно мокрой дорожкой знакомой
 К цели своей неизвестной ползёт насекомый
 (Впрочем, ему эта цель, может быть, и ясна),
 Медленно, медленно — осень, поди, не весна.

В мокрую гору, по астрам, распластанным в лёжке,
 Переплетаясь, ползут насекомые ножки,

Счастье ещё, что вороны не видно пока —
Может, судьба и, того, пощадит старика.

Где твоё небе, бескрылая божья коровка?
Медленно близится неодолимая бровка,
Медленно близится, медленно — дело к зиме,
Медленно, медленно, медленно, медленно, ме...

ВАРИАНТ СЮЖЕТА

А. М.

Я поймала золотую рыбку,
Ничего у неё не попросила,
Только бросила взгляд высокомерный:
Мол, не стану я до просьб унижаться —
И пустила в синее море.
Это было, видно, рыбке обидно,
Что могуществом её погнушались
И пытались превзойти высокомерьем,
Но сперва она не подала виду.

То есть стала, как ни в чём не бывало,
Приносить мне из моря подарки:
То жемчужину с картошку отыщет,
То монисто из красных кораллов,
То, глядишь, лежит дублон на песочке
И сияет, как маленькое солнце.

Я никак её не благодарила,
Ну, не кланялась, челом ей не била,
Только старое разбитое корыто
Заменяла балией новой,
Оцинкованной и очень обширной,
И стирала в ней, по-прежнему прилежно,
Стариковские порты и портянки
И другие мелкие вещи.

Прясть же пряжу я сроду не умела.

Ну, подумала рыбка, поглядела
И не сразу, но тактику сменила:
То заезжий знаменитый профессор
Мне нечаянно в любви объяснится,
То в столичном публикуют журнале,
То привидится сон несказанный,
Что гуляю я по райскому саду,
Ем без счёту райские гранаты
И выплёвываю косточки на землю.
А однажды заявила с бутылкой
(Банку шпрот от сердца оторвала)
И рыдала о доле златорыбьей,
Вопрошала на предмет уваженья
И пыталась прыгнуть с балкона.

Я и тут её не благодарила,
Ничего у неё не попросила —
Даже пряник какой-нибудь печатный:
Ничего, обойдусь, мол, непечатным —
Знай, сидела на пороге землянки,
Любовалась балией новой
И стирала в ней усердно портянки
И другие мелкие вещи.

И тогда рассердилась рыбка,
Окончательно, совсем рассвирепела
И обиду таить уже не стала.

Раз взглянула я на синее море,
А на нём не волны — цунами,
И не то что ходят и воют,
А пол-острова запросто сносят.
Отвернулась я от этакого вида
И пошла домой и заснула.

А когда наутро проснулась,
Больше не было не то что цунами —
Даже не было самого моря,
И не то что, там, балии новой —
Даже не было старого корыта.

... А ещё оказалось очевидно,
Что на всём бескрайнем белом свете
(Даже, может, немножечко за краем)
Больше некому стирать портянки
И другие мелкие вещи.

БАЛЛАДА О ЗАПРЕЩЁННОЙ ЛЮБВИ

Мумуну Радашкевичу, коту и эсквайру

... Но, конечно же, я не был бы поэтом,
Если б мысль моя закончилась на этом.
Илья Сельвинский

С утра в окне стоял туман —
Октябрь брал своё.
Едва начавшийся роман
Переходил в вытьё,

В тот скорбный мьяв, что облака
Пронзает испокон,
Когда поднимется рука,
Чтобы закрыть балкон.

Итак, в туманном октябре,
В предвестии зимы:
Кот в доме, кошка во дворе,
А остальные — мы.

О, бедный, бедный кот чужой
В окошке в полный рост,
Шальной любовью, как вожжой,
Ужаленный под хвост!

О, как он плакал, бедный кот,
Как рвался вон и на,
Когда судьба рукой господ
Сняла его с окна!

И как металась та, внизу,
В кустах, траву измяв,
Без права даже на слезу,
Не говоря — на мяв!

А он бы мог (не вру ничуть:
Случись — и я б смогла),
Шагнув с балкона, развернуть
Два белые крыла,

Он мог, усат и полосат,
Но слаб, зависим, бос,
Спорхнуть с балкона в дивный сад
Любовных грёз — и роз.

Не плачь, не сетуй, не зови,
Не провоцируй мглу:
Глотай таблетку от любви
И спи в своём углу,

Без грёз, без сновидений, без
«Услышь» или «прости»,
Пока не прозвучит с небес
Вердикт: «Конец пути»,

Пока домчит тебя авто
В какой-то там Париж,
Где и душой в *пространство то*
Вовек не воспаришь.

Молчи, скрывайся, не ропщи,
Смирись и не грусти,
Несолоно хлебая щи
На том конце пути,

Не буйствуй, не ходи на ны —
Любовь не *обрести*,
И щи равно несолоны
В любом конце пути.

Вот так и нас... Вот так и мы
(Не к слову говоря)...
В преддверьи тьмы, в канун зимы,
К исходу октября...

Олеография. Лубок.
 Тоскует сизый голубок,
 А ниже, ближе к чайной розе,
 Есть изречение — ближе к прозе:
 «Кого люблю, тому дарю».
 Смягчившись в кроткую зарю
 Вечернюю, *закат печальный,*
Блеснувший, тихой розе чайной
 И стонущему голубку
 Кивает из окна: «ку-ку!»,
 Как равный равным — но ответа
 От них не ждёт: в природе лето.

И некий простенький мотив,
 Всю нежность мира воплотив,
 Рождается, насупотив
 И в пике внутренней цензуре,
 И вот уже летит в лазури
 В твой сон. Да будет он глубок.
 Олеография. Лубок.

ПРОГУЛКА СОЧИНИТЕЛЕЙ В НИМФЕНБУРГСКОМ ПАРКЕ

Мимо зимних гробов для статуй, поставленных на попа,
 Мы вчетвером гуляем — то есть почти толпа —
 В Нимфенбургском парке — местном эрзац-Версале.
 Всё остальное, видимо, давно уже написали.

Из каковых писаний известно: любовь слепа,
 Почему поразить способна то мальчика, то старуху.
 И лебедь садится на воду, сделав такое па,
 Как будто бы собирается идти по ней, как по суху.

Последние бурые листья ветер несёт с вершин
 Древесных, и воздух сыр, и солнце уже садится.
 И, окунувший голову, лебедь выглядит как кувшин,
 Погружаемый ручкой кверху, чтобы набрать водицы.

Впрочем, также известно, что, хотя она и слепа,
 Но, преследуя жертву, бывает куда как зрячей.
 И, роняя редкие реплики, неспешно бредёт толпа,
 По временам отражаясь в стылой воде стоячей.

Охотники за словами! Жертвователи богам
 В деревянных мундирах, а по сезону — голым!
 И ветер ныряет в чашу и приносит к ногам
 Зайчика, куропатку и пару-тройку глаголов.

Небо — как сизый жемчуг, и вода — как слюда,
 И холоднее вечности мраморные перила,
 И каждый из них по-своему говорит: никогда —
 Впрочем, я то же самое сама себе говорила.

Каждый — сам себе жертва. Сам себе и палач.
Но не каждый умеет выбрать лучшую из каденций.
И тихий звон водопада напоминает плач
Уже совсем засыпающего обиженного младенца.